

КОГДА ИМПЕРИИ РАБОТАЛИ ВМЕСТЕ

*Земные кончаются тропы
У серых морей на краю.
То Азия здесь, то Европа
Диктуют погоду свою:
То ливень балтийский внезапен,
То ветер сибирский жесток.
Полдюжины окон – на запад,
Полдюжины – на восток.*

*Александр Городницкий.
Дворец Трезини*

ДОМИНИК ЛИВЕН

ПРОФЕССОР КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ПРОФЕССОР ЛОНДОНСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК, ЧЛЕН БРИТАНСКОЙ
АКАДЕМИИ

Доминик Ливен принадлежит древнему дворянскому остзейскому роду Российской империи. По легенде род Ливенов происходит от Каупо, старейшины леттов, известного тем, что первым принял христианство в Лифляндии, получив от папы Целестина III (1191–1198) дворянское достоинство. В XVII веке Ливены были возведены шведским королём в бароны. Русские светлейшие князья Ливены ведут своё происхождение от барона Отто-Генриха и его жены Шарлотты Карловны, которая была приглашена Екатериной II воспитательницей великих княжон – дочерей Павла, затем великих князей Николая и Михаила. В 1796 году Шарлотта Карловна и её потомство

получили графское, в 1826-м – княжеское достоинство, с пожалованием титула светлости. Мужчины и женщины этого рода верой и правдой служили России.

В России наиболее известны следующие книги Доминика Ливена: "The Aristocracy in Europe, 1815–1914" (рус. изд.: «Аристократия в Европе, 1815–1914», 2000); "Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present" (рус. изд.: «Российская империя и её враги с XVI века до наших дней», 2007). В 2012 году ожидается выход в свет русского издания книги "Russia against Napoleon: The Struggle for Europe" («Россия против Наполеона: Борьба за Европу»).

Доминик Александрович, Вы – живая ветвь древа, именуемого русский мир. И при этом – иностранец, англичанин. Для современных русских в этом есть некий парадокс. Но и громадное аналитическое преимущество.

В Петербурге немало мест, прогуливаясь по которым, ощущаешь себя как среди египет-

ских пирамид. «Пирамиды» созданы ушедшей расой. А вокруг – современные «египтяне». Доминик Ливен парадоксальным образом одновременно и тот «древний египтянин», и гражданин сегодняшнего глобального мира.

Как Вы чувствуете, много ли в мире, и в России в том числе, таких «древних египтян»?

Если говорить об идентичности, то я прежде всего историк. А Питер – памятник истории императорской России. Конечно, есть и история семьи. Здесь есть места, связанные с моими предками, что делает историю для меня более интересной, но и более сложной. Впервые я приехал сюда еще в Советский Союз – в государство, которое отказалось от своего прошлого. Это была одна из его слабостей. Советская правящая элита мало понимала суть русской истории. Например, вся политика «перестройки» была основана на фальшивом понимании истории. Такой политики попросту не было бы, если лидеры страны понимали бы ее историю.

Как историк и как член российской семьи я радуюсь тому, что русское прошлое вернулось и русская история приобрела более «уравновешенный» вид. Хотя сегодняшний взгляд в прошлое зачастую излишне романтический. Но откуда тогда революция и вся трагедия двадцатого века?

В книге «История России и ее враги с XVI века до наших дней» Вы называете русский народ так: он дитя и жертва империи.

На рубеже 90-х годов XX века Россия не терпела поражения. Но ее уверили в том. В массовом сознании и в сознании правящей элиты события двадцатилетней давности воспринимаются как историческое фиаско.

Можно ли извлечь уроки из поражения, которого не было? То есть извлечь уроки так, как русские их извлекли, например, из совершенно реального и унижительного поражения 1806–1807 годов?

То есть падение Советского Союза для России не было проигрышем?

Петербург притягивает. И располагает к размышлениям. Преграда времени здесь истончается. Становится близким ушедшее...

Русско-шведский союзный договор был подписан в российской столице 5 апреля (24 марта) 1812 года императором Александром I и кронпринцем Карлом Юханом, ранее известным как маршал Франции Жан Батист Бернадот. Этот исторический факт и обстоятельства, сопутствовавшие ему, не слишком известны даже образованной публике. Вместе с тем, они оказали существенное влияние на историю Европы. Одной из «частностей» такого влияния стал поворот в истории Норвегии, которая вышла из-под власти датской короны, приняла конституцию и уже на ее основе избрала своим монархом короля Швеции.

25-26 марта 2012 года в петербургской гостинице «Астория» состоялась научная конференция «Российско-шведский (союзный) договор 1812 года и его последствия для Северной Европы». Организаторами выступили фонд «Свободное слово» (Осло) и Институт всеобщей истории Российской Академии наук (Москва).

...Сколь ни интересны и содержательны были доклады участников конференции, их общение не ограничивалось ее тематическими рамками. Петербургский воздух навевал и иные, самые различные, сюжеты – от судеб Российской империи до рациональных пределов политики толерантности. «Янтарный мост» публикует записи трех бесед «на полях» конференции.

Александр Чечевишников

Не было. Вопрос заключался лишь в сроках неизбежной деструкции системы, возникшей в результате утопической, тупиковой политики. Крах Союза стал освобождением русского народа от не нужной ему тяжести.

Так вот, можно ли извлечь уроки из поражения, которого не было? История показывает, что русская, российская элита имеет опыт продуктивного извлечения уроков.

Падение Советского Союза – сложный процесс. Самое главное, что он прошел почти без русского кровопролития. Падение больших государств, как правило, сопровождается колоссальными трагедиями. Русский народ в двадцатом веке уже испытал тяжелейшие страдания. И для него очень важно было избежать повторения страшного опыта.

Все эти слова – империя, нация, государство, – конечно же, условны. Если Советский Союз был империей, это была очень сложная империя. Безусловно, утрата Прибалтики, не говоря уже о Центральной Азии, оказалась для русских преимуществом. Но я менее уверен, что единство России, Украины и Белоруссии не могло бы сохраниться, если обстоятельства сложились бы иначе. Думаю, если Сталин не аннексировал бы балтийские республики и Западную Украину, может быть, какой-то сплоченный Советский Союз, без Средней Азии, выжил бы. Был бы такой вариант в интересах русского народа или нет, сейчас говорить еще рано.

Но идея о том, что у каждого этноса должно быть свое государство, очень опасная. Люди различных национальностей должны жить вместе. Если посмотреть на современную Азию, то уроки европейской истории, европейского национализма к ней не всегда применимы. Если история Азии XXI века будет как история Европы XIX–XX веков и будет реализовываться принцип «каждому этносу свое государство», это будет катастрофа – не только для Азии, но для всего мира. Человеческая раса может это не пережить.

Потому мой ответ на вопрос о падении Советского Союза, скорее, неопределенный. Но самое важное это то, что до сих пор у русских не было большого кровопролития. Ничего даже отдаленно напоминающего падение царской империи, гражданскую войну, режим большевиков – ничего этого не случилось.

Но почему? Чтобы извлекать уроки, надо понимать – почему.

Может быть, потому, что русские до такой степени страдали в течение двадцатого века, что из

всех своих страданий они извлекли один хороший урок: сильно, глубоко верить в политику как способ спасения это очень опасно.

Для одного народа две гражданские войны в течение столетия – этого просто невозможно вообразить. Урок был очень сильный. Невозможно вообразить, чтобы народ мог больше страдать, чем русские в XX веке.

Ваша книга «Россия против Наполеона» это своего рода реабилитация гения русской элиты, русской военной элиты. Не столько генерал Мороз, не столько дубина народной войны, сколько император Александр и его генералы в конечном счете победили в наполеоновских войнах. То есть Вы актуализировали те смыслы, которые всегда находились вне фокуса.

Каковы, на Ваш взгляд, уроки той победы для современного мира, для современной России и для современных русских?

Это может оказаться опасным – слишком непосредственно извлекать такие уроки из прошлого. То, что русское правительство, российские военные и дипломаты очень успешно ответили на вызов Наполеона, – очень интересный факт, важный для истории России. Как общий урок – это означает, что государство российское не всегда было так жестоко и так неэффективно, как это принято считать на Западе и нередко здесь в России. Но, конечно, это ничего не значит определенного для решения современных российских проблем. Для всех русских нужно смотреть в прошлое без прямолинейных предрассудков. Государство бывает и хорошим, и плохим одновременно. Не надо быть славянофилом или западником, не надо быть либералом или консерватором. Нужно трезво смотреть на реалии прошлого, на действительность различных эпох. И, в конце концов, тот факт, что российское государство эффективно реагировало на вызов Наполеона, совсем не означает, что оно так же реагировало на все вызовы девятнадцатого века.

«Высшее общество руководствовалось множественностью правил и условностей, публичное пренебрежение которыми обычно вело к изгнанию из светских кругов, – писали Вы в книге «Аристократия в Европе 1815 – 1914». – Иногда эти правила основывались, по крайней мере в теории, на моральных принципах».

В той же книге применительно к современной России Вы употребили ставшее знаменитым выражение «элита в нигерийском стиле».

Видите ли Вы пути и методы лечения известных болезней современной российской элиты?

Очень важно, чтобы элита ощущала ответственность перед своим государством, своим обществом. И это, до известной степени, было присуще традиционному правящему классу. Идеи богатства, власти и ответственности были переплетены. Сейчас всё сложнее. В глобализованном мире богатство уже не обязательно связано с конкретным местом и конкретным народом. Оно как бы существует в воздухе. Это не только русская проблема. Если посмотреть на современный Запад, можно увидеть, что всё большее богатство принадлежит всё меньшему числу людей. Это опасно, очень опасно.

В чем особенность России? Если на Западе соответствующие процессы шли более или менее естественным путем и граждане защищены законом от самых худших эффектов глобализации, то здесь после распада Советского Союза Россия вдруг оказалась внутри глобализации, без какого-либо сознания всех сторон международного капиталистического общества. Если на Западе ты видишь богатого человека, он совсем не обязательно грабитель. В России 90-х годов это было просто неизбежно. И не потому, что все эти люди были нечестными – невозможно было быть честным, невозможно было верить в закон, потому что не было закона.

Важное обстоятельство – богатства недр. В таких странах налицо проблема коррупции и опасные связи между политикой и экономикой. Это не есть специфическая особенность России.

И Россия, конечно, это не Нигерия. Нигерия – искусственная страна, созданная Британской империей. Россия – старая страна, с русской идентичностью. Каждый русский знает, что Пушкин был русским, что была Бородинская битва... Есть то, что порождает ответственность. Ответственность возникает не всегда, но это уже общая проблема, характерная для всех элит.

В книге «История России и её враги...» Вы писали, что «положение русских в царской империи было больше похоже на положение туземцев в европейских заморских колониях».

Какую роль данное обстоятельство сыграло в вызревании русской революции и в самой революции?

Это сложный вопрос. Одна цитата не есть суть моего понимания положения русских в старой империи.

Мне хотелось бы сказать, что название той книги по-английски было «The Russian Empire and Its

Rivals” – «Российская империя и её соперники». Россия была одной империей в ряду других. Они были соперниками, но не врагами. До конца XIX века это был мир, в котором европейские империи работали вместе. И это было столетие, когда уровень народного благосостояния – и здесь в России, и везде – очень сильно вырос.

Ответ на вопрос о положении русских зависит от того, о каком слое идет речь и о какой эпохе. И это связано со всеобщей историей империй и всеобщей историей модернизации. Например, в XVI веке Россия была гораздо более сплоченной нацией, сплоченным народом, чем это было в XIX веке. И хотя в уровне жизни народа и элиты были огромные различия, с психологической точки зрения Россия была более сплоченной, чем после Петра. И если вы сравниваете империю Романовых на самом космополитическом этапе её истории – в начале XIX века, – то это была всё ещё в очень большой степени русская империя – русская знать, русское дворянство, русский народ, это были русские ресурсы. Эта империя была более русской, чем Османская империя была турецкой. Уже не говоря о том, насколько империя Чэнь была китайской империей...

Империи очень редко были государством одного народа, одной нации. И в этом смысле Россия не являлась исключением. Это постоянное сравнение русских с другими европейскими нациями и России с зарубежными европейскими империями до известной степени осложняет вопрос. Главные проблемы XIX и XX веков были обусловлены модер-

низацией и ростом национализма в Европе. Всё усиливалось ощущение, что сохранить империю можно только путем ее последовательной этнизации. То, что сделали русские, сделали и немцы, и венгры. Это был самоочевидный ответ на угрозы разложения таких государств.

В контексте международных отношений к концу XIX века казалось, что будущее – за империями, которые уже почти поглотили все другие части мира. Империализм это не шутка, это не только ленинская теория, это было общепринятое объяснение международных политических тенденций. Но наряду с этим усиливался национализм. И возникает противоречие, потому что империя – государство континентальных размеров – крайне редко состояла из всего лишь одного этноса. Как можно удерживать легитимные основания такого государства в условиях углубляющегося национализма? Эти противоречия развивались во всех империях – Австро-Венгерской, Османской, Российской, Британской. Отсюда и внутриполитические противоречия в России. Советский Союз был очень хитрый ответ на этот вызов, но успешным он не был. Впрочем, я не уверен в изначальной неизбежности этого неуспеха. Это был неглупый ответ на противоречия империи.

За чей счет давался такой ответ? Если есть противоречие, его преодолевают, используя некий ресурс.

Идея заключалась в том, чтобы создать современное социалистическое общество. Успешность такого общества могла породить сплывающее чувство общего гражданства. Но это – в теории. Практика – другое дело. Впрочем, и практика не дает достаточных оснований утверждать, что итоговое фиаско было предначертано. Например, в 1985 году, конечно, не было неизбежным, что Советский Союз падёт, как Российская империя. Многое здесь зависит от случайностей. Вновь повторю, если Сталин не аннексировал бы балтийские провинции и, что еще важнее, Западную Украину, то впоследствии сплотился бы какой-то Советский или Российский Союз, какая-то федерация славянских республик и, может быть, Казахстана. Это было возможно.

В феврале 1914 года Петр Николаевич Дур-

ново – самый умный из всех сановников этого поколения царской России – писал императору, что без Западной Украины украинский национализм, конечно, угроза, но не очень серьезная. С нею вместе он превратится в очень серьезную опасность.

Но Восточная Галиция и то, что потом стали именовать Прибалтикой, это существенно разные вещи. И этот ряд можно продлить. В Финляндии были одни технологии регулирования и контроля из Петербурга, в Прибалтике – другие, на входивших в Российскую империю западноукраинских землях – третьи. Мне представляется, что из этих трех примеров условная Прибалтика в позднеимперский период была наиболее лояльна Петербургу. Здесь важно и то, что различные прибалтийские этнические элиты хотели по-разному строить отношения с Петербургом. И уж где-где, но в Лифляндии и Эстляндии в 1914 году никто не мог себе представить, что пройдет несколько лет и тут поднимутся другие флаги.

Вполне возможно было бы подумать, что они могут стать частью Германии. А позже – если бы они не были аннексированы Сталиным, то стали бы неформальной частью Германии. А разве кто-то мог подумать, что границы Брест-Литовска когда-то станут границами России?

Дело в том, что история XX века в Европе, в том числе события зимы 1916–1917 годов, содержит в себе большую долю многовариантности. Если бы на фоне начавшейся революции и разрушения государства российского Соединенные Штаты Америки не вступили бы в войну, ее исход мог оказаться иным. Последующее же могло оказаться очень различным. Немцы могли бы создать неформальную империю в Восточной Европе и получили бы шанс на господствующие позиции в Европе. Повод к вступлению в войну Соединенных Штатов был исторической случайностью, которая предопределила поражение Германии в Первой мировой.

Но ведь происхождение Второй мировой войны наполовину предопределено результатами Первой. Самые важные страны на континенте с эпохи Бисмарка и до Второй мировой войны – Россия и Германия – в результате Первой мировой оказались завоеванными. Это было следствием исторической

случайности. Версальский договор объективно был нежизнеспособным, так как в Европе невозможен долговременный порядок без самых важных ее элементов – немцев и русских, – порядок, одновременно направленный против тех и других. Это не значит, что Гитлер был неизбежен, но падение Версальской системы, конечно, было неизбежным.

У нас довольно часто можно слышать, что современные российско-германские, русско-немецкие отношения есть особый исторический феномен. Мы очень хорошо знаем друг друга, мы знаем друг про друга всё. В наших отношениях было много плохого и много хорошего. И это является основой для нынешних тесных, в полном смысле слова международных отношений. При этом сегодня же из Германии доносятся прогнозы: вот пройдут очередные выборы в Бундестаг, и отношения с русскими будут пересмотрены.

С Вашей точки зрения как историка, какова перспектива русско-немецких отношений, не только российско-германских, но русско-немецких?

Это самые важные отношения в европейской истории, по значимости не уступающие немецко-французским отношениям. Но потому, что Франция уже в течение ста лет в действительности не является великой державой, русско-германские отношения – самые важные. Они сложные. Семейные отношения всегда сложные. Они – соседи. Немцы были гораздо важнее для России, для ее истории, чем французы, англичане или итальянцы. Конечно, эти нации имели свое значение, но значение немцев гораздо большее – в государственном, экономическом и культурном смысле.

Прогнозировать трудно, но я настроен оптимистически. Эти отношения должны быть хорошими, потому что от них зависит перспектива всей Европы. В 1913 году, в последнем году объединенной европейской экономики, кажется, 44% всей русской внешней торговли приходилось на Германию. Немцы и русские – естественные союзники. Я думаю, я надеюсь, что оба народа извлекли уроки из истории. Из всех европейских народов немцы наиболее осознанно относятся к своей истории.

В истории России XX века тоже было много черного. Не следует грубо сравнивать Гитлера и Сталина, но некоторые основания для этого имеются. Люди тех поколений многое пережили, в том числе в морально-психологическом смысле. И здесь есть предмет для сравнения, для аналогии.

Но есть и совсем иной поворот этой темы. Сегодня мы стоим перед началом новой эры. Исто-

рия России последних трех, четырех столетий это история восприятия европейских образцов. Сегодня все балансы мировой системы имеют в себе азиатскую компоненту. Мы стоим перед большими переменами. Это будет в известном смысле возвращением к старому миру. Европейцы и их потомки в Северной Америке уже не будут на первом месте. Это окажет влияние на отношения России с другими странами, прежде всего с европейскими. Если проблема России до Первой мировой войны это рост Германии, то сейчас это вопрос Китая. Это создает сложности, но это и открывает возможности. И это большой вызов для всех – для русских, для немцев, для всех. У России очень длинная граница с Китаем при малой населенности сибирских и дальневосточных регионов. Необходима политика, которая исходит из интересов будущих поколений русских. И в этом Германия могла бы сыграть важную роль.

Вы уже начали отвечать на последний заготовленный мною вопрос. Он звучит так. Цель написания книги «История России и ее враги...», ее противники, была сформулирована Вами следующим образом: «Уложить Россию в международный контекст». Это – цель историка.

Но эта же формула представляется актуальной для современной и будущей российской политики. Согласны ли Вы с таким утверждением? Если да, то каково ее актуальное содержание?

Для любого государства, для любого народа важно определить свое место в международном сообществе, в международном контексте. Эта проблема сегодня даже более актуальна, чем это было в прошлом. И раз у вас есть самое большое государство в мире, у вас есть очень важные интересы в Восточной Азии, в Центральной Азии, в Западной Азии, в Европе, в Арктике. Для меня всегда было очевидным, что положение России в международной системе оказывало огромное воздействие на развитие российского государства и на психологию элиты. Интенсивность этого воздействия не изменилась. Хотя международный контекст, конечно, стал иным и продолжает меняться. И это уже не только политический контекст. Бог знает, что ждет нас в будущем, если хотя бы половина пророчеств «зеленого» движения подтвердится. Это будет очень трудно, и для народов, и для лидеров, лавировать между внутренними и внешними препятствиями этого нового мира. Когда я думаю о такой проблеме, как борьба за воду, мне становится страшно. Ни одна страна не в состоянии такие проблемы решать без четкого осознания своего международного положения.

